

- — Простите, сын, не можете ли вы мне пересечь границу? Я спрячусь в этой копне сена на вашей телеге. — Крестьянин обернулся, разглядывая странного священника, обратившегося со столь необычной просьбой, и нагнувшись ниже, прошептал:

- — Конечно, отец, — после чего старательно упрятал его на дне узкой повозки.

Священник М. Б. Чеховский спасал свою жизнь бегством. Францисканский монастырь в Центральной Европе, где он монашествовал, оказался вовлеченным в опасную сделку с национальной политикой. Пришлось бежать. Беглый монах почти уже достиг международной границы. Он будет в безопасности, если только минует ее незамеченным. Если...

Ничего не видя под кучей соломы в девятнадцатой по счету повозке растянувшегося каравана, Чеховский перекатывался и подпрыгивал на кочках весь остаток пути до контрольного пункта, когда повозка, наконец, не остановилась в ожидании проверки. Прodelав щелочку в соломе, он решил посмотреть, чем занимается таможенный инспектор. То, что он увидел, заставило его содрогнуться: старший инспектор проверял содержимое каждой повозки штыком. И он так энергично им орудовал, что Чеховскому стало дурно. И усталость не брала инспектора, несмотря на немилосердную летнюю жару. Восемнадцатую повозку он проверил столь же усердно, как и первую.

Чеховский начал молиться. Инспектор, подойдя к девятнадцатой повозке, прислонился к ее борту и окликнул хозяина:

- — Есть у вас еще что-нибудь, требующее занесения в декларацию?

- — Клянусь вам, у меня нет даже куска хлеба, господин, — ответил перепуганный крестьянин.

- — Тогда проезжай и поскорее, — скомандовал инспектор. — Или ты весь день собираешься здесь торчать?!

Как только повозка тронулась, вспотевший от напряжения Чеховский нашел еще один просвет в соломе и увидел оставшегося позади инспектора. Следующую же подкатившую к нему повозку, инспектор с прежним рвением проткнул штыком. (М. Б. Чеховский, "Опыт 15 лет католического священника" 1862 г, глава 10).

М. Б. Чеховский, безусловно, один из наиболее ярких и противоречивых персонажей в истории адвентизма. Многие не знали даже, как точно произносится его имя. Одни говорили, что М. Б. — значит Майкл Белина, другие утверждали, что это Майкл Бонаventura. И как правильно произносить его фамилию — Чеховский, или, как он сам предпочитал, — Чаховский! ("Адвент Геральд", 3 янв. 1865 г. стр. 62).

Он мог рассказывать сотни историй наподобие изложенной выше. И если даже не все в этих историях происходило именно так, как он рассказывал, не трудно понять, прочитав несколько из них, почему он, загоревшись желанием вернуться в Европу, все же нашел способ сделать это. [159]

Родился Чеховский в 1818 г. в Польше. Еще юношей он присоединится к монашескому ордену св. Франциска, идеалистически представляя себе, что современные монахи также честные и самоотверженные, как и основатель ордена св. Франциск Ассизский. Обманувшись в своих надеждах, он попытался произвести в монастыре реформу. Одна за другой эти попытки заканчивались неудачами и неприятностями. По соответствующей форме он подал личное прошение самому римскому папе, после чего был на год заключен в тюрьму, затем сослан на три года во Францию и оттуда, как мы уже знаем, вывезен в Швейцарию. Здесь, в 1850 году он отказался от сана священника, отрекся от католической церкви и женился.

В следующем году Чеховский отплыл в Северную Америку. В 1857 году, после непродолжительной работы у баптистов в Канаде во время лагерных собраний в Финдли, штат Огайо, он принял трехангельскую весть.

А следующей весной на конференции в Батл-Крике, которая в частности была посвящена работе с иммигрантскими этническими группами, Чеховский был назначен помощником братьев Бордо в проповеди франкоязычных американцев.

Непривычно было адвентистам видеть в своих рядах хоть и бывшего, но настоящего католического священника. Его жертвенность в прошлом и ревность в настоящем быстро нашли отражение в "Ревью", а сообщение о его непрекращающейся бедности встретило у многих горячее желание помочь. Однако Джеймс Уайт, у которого у самого было трое детей, поначалу недоумевал, почему Чеховский со своими четырьмя детьми постоянно оказывается в нужде несмотря на то, что располагает несравненно большими, чем Уайт, средствами. Задолго до этого Уайт писал в "Ревью" о том, что Чеховский

просит у братьев хорошего совета. Когда же Чеховский некоторое время спустя внезапно, не дождавшись совета покинул северный Нью-Йорк и развил дорогостоящую и почти безрезультатную миссионерскую деятельность в Бруклине и Нью-Йорк Сити, все прояснилось.

В 1861 году, путешествуя по восточным штатам, Джеймс Уайт пытался организовать конференции, но столкнулся с довольно сильной оппозицией. Конечно же, Чеховский, с которым и он и его жена так запросто подружились, нуждался в совете. (РЭГ, 30 декабря 1858 года, стр. 48). Однако бывший священник настаивал на том, чтобы ему не мешали следовать побуждению его собственного сердца. Уайт с болью вынужден был писать в "Ревью" о Нью-Йоркской миссии: "Мы не будем иметь успеха ни в одном предприятии, доколе в основе всех наших действий не будет лежать единая система". (РЭГ, 3 сентября 1861 года, стр. 108). [160]

Это был поворотный момент. Чеховский рассорился не только с Джеймсом Уайт, но и с К. Ф. Тейлором, А. К. и Д. Т. Бордо и прочими, продолжая свою деятельность в Нью-Йорке и проповедуя там на нескольких языках. Постепенно вокруг него собралась небольшая группа верующих.

Чеховский неотступно думал о работе в Европе. Когда Генеральная Конференция, полностью организованная в 1863 году сообщила в "Ревью" о намерении послать в Европу Снука, Чеховский воодушевился, надеясь, что теперь сбудутся и его мечты. Следующей зимой в Бруклин для проведения евангельских собраний и организации церкви приехал Дж. Н. Лофборо. Чеховский умолял его замолвить о нем словечко в исполнительном комитете. Лофборо же просил его немного повременить. Много лет спустя Лофборо вспоминал, что он не чувствовал тогда расположения к этому претенденту в миссионеры. Он сказал ему, что церковь не готова еще послать его, тем самым как бы давая понять ему, что он еще слишком опрометчив и неосторожен. (Лофборо, "Краткие очерки прошлого", с. 128).

Еще в 1858 году Чеховский признавался в письме Е. Уайт о том, как хочется ему "поехать на родину, за океан, и рассказать там все о пришествии Иисуса, о том, как надлежит хранить Заповеди Божьи и веру в Иисуса" (РЭГ, 23 сентября 1858 года, стр. 144).

Е. Уайт в свою очередь в течение нескольких лет написала Чеховскому ряд писем. В

1861 году она рассказала ему о том, что было показано ей в видении — отвергнув совет собратьев и служителей, он поступил плохо. Хотя она тогда рекомендовала его как "добросовестного и совершенно честного перед Богом", — несбыточный комплимент из уст вестницы Господней, — но при этом написала ему, что он дал основание братьям тревожиться за его будущие поступки. Она умоляла его не "намечать собственного курса" и подождать решения церкви. И особенно она предупреждала его не позволять неверующим уводить его в сторону ложными похвалами. (ЕГУ, Письмо К-3, 1864).

Руководство обсудило его просьбу о заграничной поездке и отложило этот вопрос, надеясь, что время благотворно скажется на духовном состоянии Чеховского и он станет достойным того, чтобы послать его миссионером. (Д. Н. Андрус, РЭГ 8 июля 1873 года, стр. 29).

Тогда Чеховский предпринял то самое, о чем сестра Уайт его предупреждала. Он поехал на лагерное собрание в Уилбрэхем, штат Массачусетс, проводимое так называемыми Христианами Пришествия (Эдвент Кристианс) и рассказал им о своей мечте, заслужив тем самым их высокие похвалы и восторженную поддержку. (Чеховский, "Письмо" 28 июля 1869 года, стр. 80). [161]

Христиане Пришествия представляли собой организацию, в которую объединились последователи Миллера, отрицающие вест о субботе и святилище, но не верящие в бессмертие души. Они организовались в 1860 году с центром в Бостоне. Как раз в этом же году адвентисты Седьмого Дня утвердили название своей Церкви. Майлс Грант, издававший журнал "Мировой кризис", позволил Чеховскому использовать его страницы для сбора средств на будущую поездку.

Главная же ветвь миллеризма, исповедующая бессмертие души, организовалась в 1858 году под названием Американская Ассоциация тысячелетнего царства. Позже ее последователей стали называть евангельскими адвентистами. Редактор их "Адвентистского вестника" также открыл для бывшего католического священника страницы своего журнала (по общему мнению, эта организация насчитывала в 60-е годы в десять раз больше членов, чем адвентисты Седьмого дня).

Таким образом, заручившись поддержкой, в сопровождении семьи и мисс Анны Батлер, сестры Джорджа Батлера, будущего президента Генеральной Конференции, Михаил Белина (или Бонавентура) Чеховский 14 мая 1864 года отплыл в Европу.

В течение 14-ти месяцев он прилежно трудился в окрестностях Торре Пеллине, в вальденских местах итальянских Альп. Здесь он обратил несколько человек. Наиболее известные из них: Джон Геймет, Френсис Бессон и миссис Катерина Ревел. (Д. Н. Андрус, РЭГ, 14 октября 1875 года, стр. 116). Натолкнувшись в итоге на мощную оппозицию, в сентябре 1865 года он переезжает в Швейцарию, прихватив с собой Джона Геймета и, конечно же, семью и Анну Батлер.

Чеховский и Геймет ходили из дома в дом, проповедовали в общественных местах, печатали и продавали трактаты, выпускали периодический журнал "Вечное Евангелие". Спустя три года, когда Чеховский покидал Швейцарию, он оставлял после себя сорок крещенных верующих, собирающихся несколькими группами. Их основная церковь в Трмелане была организована в начале 1867 года. Это была первая церковь адвентистов Седьмого дня за пределами Северной Америки.

Чтобы гарантировать себе постоянную финансовую поддержку от своих благодетелей, Чеховский регулярно отсылал отчеты в редакции "Адвентистского вестника" и "Мирового кризиса". Эти отчеты стали любимым материалом издателей и они постоянно призывали читателей помогать Чеховскому и переправляли ему время от времени средства.

Используя тот факт, что английский язык им не родной, Чеховский сумел в течение трех лет держать в неведении своих новообращенных о всех адвентистских группах в Америке. Но в один прекрасный день в конце 1867 года Альберт Вюллюмер, довольно сносно знавший английский, по крайней мере могущий читать с помощью словаря, заметил среди вещей Чеховского копию "Ревью" за 16 июля [162]. С трудом, но с всевозрастающим изумлением он читал фразу за фразой, пока не открыл для себя, что в Северной Америке тоже есть адвентисты, соблюдающие субботу! Он быстро отослал письмо (на французском) в Батл-Крик; и после некоторой задержки, связанной с незнанием языка, верующие Батл-Крика с неменьшим изумлением прочли о суббототствующих адвентистах в далекой Швейцарии.

Письма пошли туда и обратно, но взаимная радость была омрачена известием о том, что здание и оборудование, которое Чеховский купил под большим залогом и срок уже выходил, а бывший священник миссионерствовал в это время уже снова в Италии. Слабость Чеховского вновь пагубно проявила себя.

Воспользовавшись тем, что кредиторы отложили срок выплаты до января 1869 года, американцы предложили швейцарцам послать к ним представителя, чтобы через него погасить возросший денежный долг. Само собой разумеется, условия пользования типографией отныне должны были измениться. Если американцы обеспечивали плату кредиторам, то издания должны были выходить уже не от личного имени кого-то, а от имени всех швейцарских верующих. Чеховский сказал: "Нет!", — и типография была потеряна. (РЭГ, 8 июля 1873 года, стр. 29). Примерно в это же время он навсегда покинул Швейцарию. Некоторое время он работал во Франции, Германии и Венгрии. Наконец, он остановился в Румынии, где продолжал работать на свои средства и где создал еще одну группу верующих. При малоизвестных обстоятельствах он умер от "истощения" 23 февраля 1876 года в Вене, в возрасте 57 лет.

Нет сомнений в его миссионерском рвении. Вечно нищий, он исходил пешком невообразимые расстояния. Один раз он упрямо прошагал неизвестно сколько миль, ночью, по раскисшим полям, да еще под проливным дождем. В другой раз он соскользнул по снегу к самой кромке обрыва, чудом оставшись жив. Он верил, что Бог призвал его к особому служению. Однажды, сообщал он, одна влиятельная семья в Италии узнала о его прибытии во сне. (Чеховский, письмо "Мировой кризис" 6 января 1869 года, стр. 68).

Не менее замечательно и то, каких людей он обращал. Джон Геймет, Френсис Бессон, Иона Джоунс и многие другие сразу же включились в самую активную миссионерскую работу. А Альберт Вюллюмер, часовщик и при этом незаурядный организатор, иногда даже сам крестил людей. Джеймс Эрцбергер, будучи до этого служителем, на всю жизнь остался верным церкви, хранящей субботу [163]. Миссис Ревел, несмотря на жестокую оппозицию со стороны домашних, продолжала соблюдать субботу все шестьдесят лет вплоть до своей смерти в возрасте девяносто девяти лет. Миссис Пайгьюрон, одна из первых трех крещенных в озере Неучатэл, оставалась адвентистской и через 70 лет. Несколько молодых пар, которых крестил когда-то Чеховский, передали истину своим потомкам и те принимают активное участие в работе современной церкви АСД.

Когда весть о том, что Чеховский проповедует в Европе субботу, достигла адвентистов "первого дня" в Америке, то они, раздосадованные и обозленные, прекратили с ним все отношения. Адвентисты Седьмого дня, однако, были обрадованы этим сообщением и приветствовали Чеховского как "благородного и великодушного человека". Они старались помягче относиться к его ошибкам и более склонны были винить себя самих в том, что не смогли помочь ему преодолеть их. На сессии Генеральной Конференции

1872 года было официально признано, что "в распространении истины в Швейцарии была рука Божья". (РЭГ, 30 ноября 1869 года, стр. 181).

Но когда Андрюс в 1874 году прибыл в Швейцарию, он обнаружил, что многие швейцарские адвентисты вспоминают Чеховского с "глубокой болью и печалью". (РЭГ, 23 сентября 1875 года, стр. 92). Долги, разочарования, и дьявол сумел посеять семена сомнения и недоверия. Швейцарцы были верными истине и субботе, но при этом упрямо настаивали на правоте слухов и допущенных Чеховским прелюбодеяние и отступничество. (Андрюс, "Обращение к обществу" 25 декабря 1879 года). И хотя адвентисты в Европе приняли Андрюса с открытым сердцем, они отказались помочь ему приобрести новый печатный станок, в котором он так сильно нуждался. Он так и умер, не получив его.

Интерес к Чеховскому в последние годы возрос. Отчасти это связано со столетием дня его смерти. Верные европейцы стараются, насколько им это удастся, опровергнуть все трагические слухи о Чеховском.

"Сокровище сие, — писал Павел о каждом христианском евангелисте, — мы носим в глиняных сосудах".

Елена Уайт не говорила, что если Чеховский поедет в Европу, Бог покинет его! Бог явно благословил проповедь этого некогда католического священника. Однако кто знает, насколько больше он мог еще сделать. Что было бы, если бы остепенив свою природную гордость, Чеховский еще в 1858 году признал бы, что многолетняя жизнь в монастыре на всем готовом привела его к некоторой утрате самоуправления, и прислушался бы к дружескому совету своих коллег и вдохновленному наставлению Елены Уайт? На все нараставшей волне евангелизма, он мог бы быстро стяжать себе прочную репутацию евангелиста для плодотворной совместной работы. Благодаря своим выдающимся способностям он мог бы принести значительную помощь церкви, повернуть дело в нужном направлении и тем самым укрепить ее в столь ответственный период истории. [164]

Когда Генеральная Конференция предполагала послать в Европу Б. Ф. Снука, она вполне могла послать вместо него и Чеховского, и все это на десять лет раньше, чем в Европу был послан Джон Андрюс. И тогда не пришлось бы терять типографию в Европе. Поток миссионеров в Европу мог бы начаться на десятилетие раньше, чем это

оказалось на самом деле. М. Б. Чеховский мог бы закончить свои дни в почете, признанный на обоих континентах первым официальным миссионером церкви АСД за рубежом. [165]